

Таким образом, проблема красноречия, стоявшая перед Радищевым, была проблемой эпохи, проблемой, приобретавшей в России особенно большую остроту в связи с ростом национального самосознания. Фонвизин, к сочинениям которого Радищев, как известно, относился с живейшим вниманием и интересом, устами Стародума высказывает несколько принципиально важных соображений по этому поводу: «Размышляя я, отчего имеем мы так мало ораторов? Никак нельзя положить, чтоб сие происходило от недостатка национального дарования, которое способно ко всему, ниже от недостатка российского языка, которого богатство и красота удобны ко всякому выражению. Истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при коих бы дар красноречия мог показаться. Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют и где победа красноречия не пустою хвалою, но претурою, архонциями и консульствами награждается».³ Фонвизин убежден, что отечественное красноречие могло бы обнаружить свою силу, «если бы имели мы где рассуждать о законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих».⁴

Эти идеи Фонвизина были, по-видимому, достаточно близки и Радищеву. Оба писателя подходили к проблеме красноречия с позиций публициста, с позиций политического борца. Для автора «Путешествия» вопрос о свободе слова имел исключительно важное значение. Несколько перефразируя Тацита, Радищев писал: «Если свободно всякому мыслить, и мысли свои объявлять всем безпрекословно, то естественно, что все, что будет придумано, изобретено, то будет известно; великое будет велико, истина не затмится. Не дерзнут правители народов, — переходил писатель к смелому выводу, как бы продолжающему мысль Фонвизина, — удалиться от стези правды, и убоятся; ибо пути их, злость и ухищрение обнажатся» (I, 335). Видя в слове не только моральную силу, но и политическую, Радищев стремится овладеть этой силой, чтобы «соучастником быть во благодействии себе подобных».

На первый взгляд кажется странным скептическое отношение писателя к любого рода руководствам по красноречию и риторическим правилам. В «Житии Федора Васильевича Ушакова» Радищев весьма иронически отзывался о духовном наставнике русских студентов в Лейпциге: «Отец Павел был в своем роде человек полуученый, знал по Латыне, по Гречески и несколько по Еврейски. В семинарии прошел все нижние и верхние философские и богословские классы и был учителем Риторики. Но если ему известны были правила красноречия, древними Авторами преподданного, если знал он что есть Метафора, Антитезис и прочия риторическия фигуры, то никто столь мало не был красноречив, как наш отец Павел» (I, 164). Знакомство с этим

³ Фонвизин Д. И. Собр. соч. в 2-х т., т. 2. М.—Л., 1959, с. 64.

⁴ Там же, с. 65.